
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И ВЛИЯНИЯ, СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.31249/lit/2025.02.05

ПОДОСОКОРСКИЙ Н.Н.¹ МАРШАЛЫ НАПОЛЕОНА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО©

Аннотация. Статья посвящена комплексному рассмотрению наполеоновского мифа в творчестве Ф.М. Достоевского через призму «созвездия» наполеоновских маршалов. Рассказывается о роли маршалов Франции в общем конструировании легенд о Наполеоне в мировой и русской культуре первой половины XIX в. В трех специальных разделах статьи подробно анализируются трагикомические упоминания писателем конкретных маршалов Первой империи (Жана Ланна, Луи Николя Даву и Шарля Пьера Франсуа Ожеро) в сцене посещения Пантеона в Париже в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), в фантастическом рассказе генерала Иволгина о Наполеоне в 1812 г. в романе «Идиот» (1868–1869) и в черновой записи к роману «Братья Карамазовы» (1879–1880): «Ожеро Наполеону: “ты”. А у нас денщик...». Предпринята попытка установить основные историко-литературные источники художественных сцен с участием названных маршалов в этих произведениях. Особое внимание уделено изучению рассказов героев Достоевского о смерти маршала Ланна, герцога Монтебелло от последствий ранения, полученного им в ходе Эсслингского сражения 22 мая 1809 г., и о роли маршала Даву, князя Экмюльского, в судьбе Великой армии Наполеона в захваченной Москве 1812 г.

---

¹ Подосокорский Николай Николаевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; ORCID: 0000-0001-6310-1579; n.podosokorskiy@gmail.com

© Подосокорский Н.Н., 2025

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; наполеоновский миф; Наполеон; Пантеон в Париже; «Зимние заметки о летних впечатлениях»; «Идиот»; «Братья Карамазовы»; Жан Ланн; маршал Л.Н. Даву; маршал Ш.П.Ф. Ожеро.

Для цитирования: Подосокорский Н.Н. Маршалы Наполеона в творчестве Ф.М. Достоевского // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2025. – № 2. – С. 69–107. – DOI: 10.31249/lit/2025.02.05

Поступила: 18.01.2025

Принята к печати: 10.02.2025

PODOSOKORSKY N.N.¹ Napoleon's marshals in the works of Fyodor Dostoevsky©

Abstract. The article presents a comprehensive examination of the Napoleonic myth in the works of F.M. Dostoevsky through the prism of the “constellation” of the Napoleonic marshals. The article describes the role of the marshals of France in the general construction of the legends of Napoleon in world and Russian culture of the first half of the nineteenth century. In three special sections of the article, the tragicomic references by the writer to specific marshals of the First Empire (Jean Lannes, Louis Nicolas Davout and Charles Pierre Francois Augereau) in the scene of a visit to the Pantheon in Paris in *Winter Notes on Summer Impressions* (1863), in General Ivolgin's fantastic story about Napoleon in 1812 in the novel *The Idiot* are analyzed in detail (1868–1869) and in the draft entry for the novel *The Brothers Karamazov* (1879–1880): “Augereau to Napoleon: ‘you’... And we have an orderly...”. An attempt has been made to establish the main historical and literary sources of artistic scenes involving the named marshals in these works. Special attention is paid to the study of Dostoevsky's characters' stories about the death of Marshal Lannes, Duke of Montebello from the effects of a wound he received during the Battle of Essling on May 22, 1809, and the role of Marshal Davout, Prince of Ekmulsky in the fate of Napoleon's Great Army in captured Moscow in 1812.

Keywords: F.M. Dostoevsky; the Napoleonic myth; Napoleon; the Pantheon in Paris; *Winter notes on summer impressions*; *The Idiot*;

---

¹ **Podosokorsky Nikolai Nikolaevitch** – Candidate in Philology, Senior Researcher at the Research Centre “Dostoevsky and World Culture”, Institute for World Literature RAS; ORCID: 0000-0001-6310-1579; n.podosokorskiy@gmail.com

© Podosokorsky N.N., 2025

The Brothers Karamazov; Jean Lannes; Marshal L.N. Davout; Marshal S.P.F. Augereau.

To cite this article: Podosokorsky, Nikolai N. “Napoleon’s marshals in the works of Fyodor Dostoevsky”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 2, 2025, p. 69–107. DOI: 10.31249/lit/2025.02.05 (In Russian)

Received: 18.01.2025

Accepted: 10.02.2025

Неотъемлемым элементом наполеоновского мифа, пронизывающего многие произведения русской и мировой литературы XIX в., является «созвездие» маршалов императора французов. Всего за время существования Первой империи звания маршала были удостоены двадцать шесть генералов: для некоторых из них оно было преимущественно *почетным* чином (почетными маршалами в 1804 г. стали генералы, уходящие на покой в Сенат: Ф.Э. Келлерман, Ж.-М.Ф. Серюрье, К.-Д. Периньон, Ф.Ж. Лефевр), а некоторые были впоследствии по разным причинам разжалованы Наполеоном I (такая участь постигла Ж.Б. Бернадота, Л.А. Бертье, П. Ожеро, К.-Д. Периньона, Виктора, О. Мармона) или Бурбонами (Э. Груши), хотя части из них спустя время маршальские звания все же вернули.

В.Н. Шиканов в монографии, посвященной маршалам Наполеона, отмечает:

<...> Сенатус-консулт прямо указывал, что «маршалы империи избираются из числа наиболее отличившихся генералов» в количестве 16 человек. Таким образом, маршалами становились военнотружущие за свои личные особые заслуги перед Императором и Империей. При этом вновь подчеркнем, что это не было производство в очередной воинский чин, а скорее переход в качественно новую категорию имперских (т.е. государственных) сановников.

На практике Император рассматривал маршалов в качестве особо доверенных лиц и давал им ответственные поручения как своим личным представителям. Естественно, что с учетом опыта их предыдущей службы, маршалы (многие из которых идеально совмещали энергию молодости и опыт зрелого возраста) прежде всего, командовали крупными воинскими соединениями или даже армиями на отдельных театрах военных действий. Но в качестве высокопоставленных сановников они могли выполнять и другие важные миссии. Например, дипломатические.

Как высшим должностным лицам империи маршалам полагались особые почести. Во время <...> официальных миссий, о которых оповещал военный министр, маршала полагалось приветствовать салютом из 30 орудийных выстрелов. Для его встречи почетный эскорт в составе кавалерийского эскадрона высылался за 3/4 лье от города, в который направлялся маршал, и провожал высокого гостя до его парадной резиденции.

На улицах и площадях вдоль маршрута следования маршала полагалось выстраивать шпалеры войск местного гарнизона, которые брали оружие «на караул» и склоняли боевые знамена. При этом трубачи играли марш, а барабанщики били поход. Кроме того, для охраны резиденции выделялся особый эскорт из 50 человек во главе с капитаном или лейтенантом. Все часовые, посты и пикеты салютовали маршалу своим оружием, а он имел право назначать пароль для войск [Шиканов, 2002, с. 11].

Иначе говоря, именно маршалы зачастую являлись главными исполнителями и проводниками воли императора не только в дни войны, которая почти никогда не прекращалась, но и в период мира (наряду с высшими сановниками и министрами). Бывший секретарь Наполеона Л.А.Ф. де Бурьенн называет их «сыновьями Республики, превращенными волею одного из их сподвижников в подпор его Империи» [Бурьенн, 1834–1836, т. 3, ч. 6, с. 73]. Д.С. Мережковский рассматривает их как «члены Вождя» [Мережковский, 1993, с. 83]. Само звание маршала Франции было предметом мечтаний сотен тысяч честолюбивых солдат Великой армии. «Они верили также, – пишет Е.В. Тарле, – что слова Наполеона: “в ранце каждого солдата лежит жезл маршала”¹ – не пустой звук; они охотно вспоминали, в каком чине начали свою службу и Мюрат, и Бернадотт, и Лефевр, и многие другие звезды императорского генералитета» [Тарле, 1957–1962, т. 7, с. 152]. Процитированные слова, приписываемые Наполеону, не были пустой фразой. Как отмечает Н.А. Троицкий, «почти все лучшие маршалы Наполеона (Ж. Ланн, А. Массена, М. Ней, И. Мюрат, Ж.Б. Бессьер, Л.Г. Сюше, Ж.Б. Журдан, Ф.Ж. Лефевр, Н.Ж. Сульт и др.) вышли из простонародья. Службу они начинали солдатами. Но рядом с ними были маршалы-“аристократы”: Л.Н. Даву, Ж.Э. Макдональд, О.Ф. Мармон, Э. Груши. Среди генералов равно

---

¹ Это не вполне точная цитата, а сведенные воедино похожие высказывания самого Наполеона, Жермены де Сталь и Людовика XVIII. Об этом см.: [Душенко, 2019].

блистали сын столяра Жозеф Леопольд Сигисбер Гюго (отец Виктора Гюго) и сын маркиза и его чернокожей рабыни Дюма де ла Пайетри (отец Александра Дюма)» [Троицкий, 2020, т. 2, с. 30].

Наполеоновская легенда уподобила маршалов Первой империи «звездам», которые окружают Наполеона-Солнце¹. Например, в брошюре Ж.-Б. Переса «Как будто Наполеона никогда не существовало» (1827) действующие маршалы иронично сопоставлены со знаками зодиака [Перес, 1912, с. 13]. В русской поэзии первой половины XIX в. маршалы Наполеона также не остались без внимания. В пропагандистском сатирическом стихотворении С.Н. Глинки «Побег Наполеона Карловича из земли русской» (1813) читаем о пребывании императора французов в захваченной Москве в 1812 г.:

Меж тем новопечатна стая
Наполеоновских чинов,
В пути друг друга обгоняя,
Летит на властелинский зов.
Тут дюки, маршалы различны,
Давно к затеям хоть привычны,
Но, в нашу забредя Москву,
Они во сне и наяву
Скорей кой-как хотят убраться,
Чтобы казакам не попасться!

[Собрание стихотворений, 2015, с. 160]

Далее идет поименное перечисление некоторых из наполеоновских маршалов, принявших участие в Русском походе:

Все маршалы, остолбень,
Поглядывают друг на друга;
В волнении, в смятенье духа,
Ни слова вымолвить не смев,
Стоят, как будто истуканы.
Ней быstroногий, дерзкий, рьяный,
Из Богородска прибежав,
И напролет всю ночь не спав,
Чуть может на ногах держаться.

---

¹ О солнечном аспекте наполеоновского мифа в связи с творчеством Достоевского и особенно романом «Преступление и наказание» см.: [Подсокорский, 20236].

Гвардейский генерал Мортъе
Язык свой закусил зубами;
И наконец хитрец Бертъе
Речь начал хитрыми словами:
«Великий из великих всех!
Твои деянья все – успех!
Ты наш владыка, наш создатель;
Как мрак ночной мы без тебя:
Нет! Не лишай ты нас себя!»
[Собрание стихотворений, 2015, с. 160–161]

М.Ю. Лермонтов в мистическом стихотворении «Воздушный корабль» (1840), представляющем собой вольное переложение баллады Й.-К. Цедлица «Корабль призраков» (1832), показывает, как вставший из гроба император Наполеон, едва ступив на землю Франции, сразу же призывает к себе своих бывших ратных слуг и товарищей:

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.
[Лермонтов, 2014, т. 1, с. 315]

Последние же по понятным причинам игнорируют его зов:

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.
[Лермонтов, 2014, т. 1, с. 315]

Достоевский, глубоко интересовавшийся наполеоновской эпохой и многократно обращавшийся к ней в самых разных своих произведениях (см.: [Подосокорский, 2013], [Подосокорский, 2022а], [Подосокорский, 2022б], [Подосокорский, 2024б], [Подосокорский, 2025] и др.), также не обошел стороной фигуры наполеоновских маршалов. Отображения последних в его творчестве до сих пор не становились предметом специальных исследований достоевистов, и мы ставим себе задачей восполнить этот пробел. Уже в переведенном Достоевским в юности романе О. де Бальзака

«Евгения Гранде», вышедшем в 1844 г. в журнале «Репертуар и Пантеон», есть упоминание маршала Николая Шарля Удино (1767–1847), герцога Реджо, на балу у которого (уже в период реставрации Бурбонов) Адольф де Грассен, по его словам, встретил двоюродного брата Евгении – Шарля [Достоевский, 2013–, т. 1, с. 347, 354]. В журнале А.А. Краевского «Отечественные записки», в котором была опубликована большая часть ранних произведений Достоевского второй половины 1840-х годов, печатались и материалы о разных наполеоновских маршалах: рецензия А.Д. Галахова на русское издание «Путешествия маршала Мармона» [Галахов, 1840], рецензия К.А. Полевого на «Записки маршала Бертье» [Полевой, 1848] и др.¹ В этих материалах не просто рассматривалось содержание рецензируемых трудов, но и нередко затрагивались более общие вопросы взаимоотношений Наполеона, которого Полевой называет «величайшим из всех искателей приключений» [Полевой, 1848, с. 105], с его близким военным окружением. В 1838–1840 гг. в типографии И. Глазунова (в серии «Военная библиотека»²) вышли «Записки маршала Сен-Сира о войнах во времена директории, консульства и империи французской» [Сен-Сир, 1838–1840]. Ряд наполеоновских маршалов был известен русскому читателю того времени не только по мемуарам и обзорным историческим трудам, но также в качестве героев художественных романов о войнах России с Наполеоном и по сборникам анекдотов об императоре французов [Полные анекдоты Наполеона Бонапарте, 1833, ч. 1, с. 40–41].

В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский и сам привел анекдот о разговоре маршала Ораса Франсуа Бастьена Себастьяни де Ла Порта (1772–1851) и некоего англичанина:

Кстати, вспомнился мне теперь один премилый анекдот, который я прочел недавно, где и у кого не запомню, о маршале Себастьяни и об одном англичанине, еще в начале столетия, при Наполеоне I-м. Маршал Себастьяни, важное тогда лицо, желая обласкать одного англичанина, которые все были тогда в загоне, потому что беспрерывно и упорно вое-

---

¹ Имена авторов этих материалов нами взяты из указателя В.Э. Богграда [Боград, 1985].

² В этой же серии издатель предполагал выпустить «Записки маршалов Суше и Сульта о походах в Испании» [Сен-Сир, 1838–1840, ч. 1, с. V].

вали с Наполеоном, сказал ему с любезным видом, после многих похвал его нации:

– Если б я не был французом, то желал бы стать англичанином.

Англичанин выслушал, но, нимало не тронутый любезностью, тотчас ответил:

– А если б я не был англичанином, то я все-таки пожелал бы стать англичанином» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 95].

Однако Себастьяни, участвовавший во многих наполеоновских кампаниях, стал маршалом Франции только в 1840 г., в царствование короля Луи-Филиппа, дослужившись при Наполеоне лишь до чина дивизионного генерала [Генералы Наполеона, 2004, с. 181]. В целом круг чтения Достоевского о Наполеоновских войнах был весьма обширен, но в этой статье мы попытаемся обрисовать основные возможные источники его обращений к конкретным маршалам Наполеона (Жану Ланну, Луи-Николя Даву и Шарлю Пьеру Франсуа Ожеро) и проанализировать сами эти обращения в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), романе «Идиот» (1868–1869) и черновых набросках к «Братьям Карамазовым» (1879–1880).

«Друг Наполеона» – маршал Жан Ланн в «Зимних заметках о летних впечатлениях»

В седьмой главе «Зимних заметок о летних впечатлениях», изначально опубликованных во втором и третьем номерах журнала братьев Достоевских «Время» в 1863 г., писатель в художественной форме рассказал о своем первом посещении летом 1862 г. Парижа и Пантеона в частности, известного со времен Великой французской революции как усыпальница выдающихся людей Франции. Прочитируем в сокращении фрагмент (убрав из него рассказы о Вольтере и Руссо, также покоящихся в Пантеоне), посвященный одному из самых талантливых наполеоновских военачальников, маршалу Жану Ланну (1769–1809), герцогу Монтебелло, погибшему от последствий ранения, полученного им 22 мая 1809 г. в ходе сражения под Асперном (также известном как Эсслингская битва), и с почестями захороненному в бальзамированном виде в Пантеоне 6 июля 1810 г.:

Буржуа проеден до конца ногтей красноречием. Однажды мы вошли в Пантеон поглядеть на великих людей. Время было неурочное, и с

нас спросили два франка. Затем дряхлый и почтенный инвалид взял ключи и повел нас в церковные склепы. Дорогой он говорил всё еще как человек, немного только шамкая за недостатком зубов. Но, сойдя в склепы, немедленно запел <...>:

– Si-gît Lannes, маршал Ланн, – запел он еще раз, – один из величайших героев, которыми обладала Франция, столь обильно наделенная героями. Это был не только великий маршал, искуснейший предводитель войск, исключая великого императора, но он пользовался еще высшим благополучием. Он был другом...

– Ну да, это был друг Наполеона, – сказал я, желая сократить речь.

– Мсье! Позвольте говорить мне, – прервал инвалид как будто несколько обиженным голосом.

– Говорите, говорите, я слушаю.

– Но он пользовался еще высшим благополучием. Он был другом великого императора. Никто другой из всех его маршалов не имел счастья сделаться другом великого человека. Один маршал Ланн удостоился сей великой чести. Когда он умирал на поле сражения за свое отечество...

– Ну да, ему оторвало ядром обе ноги.

– Мсье, мсье! позвольте же мне самому говорить, – вскричал инвалид почти жалобным голосом. – Вы, может быть, и знаете это всё... Но позвольте и мне рассказать!

Чудаку ужасно хотелось самому рассказать, хотя бы мы всё это и прежде знали.

– Когда он умирал, – подхватил он снова, – на поле сражения за свое отечество, тогда император, пораженный в самое сердце и оплакивая великую потерю...

– Пришел к нему проститься, – дернуло меня прервать его снова, и я тотчас почувствовал, что я дурно сделал; мне даже сделалось стыдно.

– Мсье, мсье! – сказал старик, с жалобным укором смотря мне в глаза и качая седой головой, – мсье! я знаю, я уверен, что вы всё это знаете, может быть, лучше меня. Но ведь вы сами взяли меня вам показывать: позвольте ж мне говорить самому. Теперь уж немного осталось...

– Тогда император, пораженный в самое сердце и оплакивая (увы, бесполезно) великую потерю, которую понесли он, армия и вся Франция, приблизился к его смертной постели и последним прощанием своим смягчил жестокие страдания умершего почти на глазах его полководца. *C'est fini, monsieur*, – прибавил он, с упреком посмотрев на меня, и пошел далее [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 89–90].

Ни в первом, ни во втором академическом Полном собрании сочинений Достоевского эта сцена с пафосно-комичным рассказом о герцоге Монтебелло никак не прокомментирована, кроме самой

общей фразы о том, что Ланн был «один из выдающихся полководцев наполеоновской армии» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 373], [Достоевский, 2013–, т. 5, с. 476]. Между тем этот фрагмент имеет значение для понимания общей картины изображения писателем наполеоновского мифа в его последующем творчестве. Патетические слова о «друге» Наполеона, а также о «сердце» и «плаче» самого императора французов предвосхищают вымышленный фантастический рассказ генерала Иволгина о его дружбе с Наполеоном в Москве 1812 г. в романе «Идиот», в котором много говорится об их сердечном участии друг в друге и взаимном плаче (об этой вставной новелле см.: [Альми, 1992], [Подосокорский, 2010б], [Новикова, 2016, с. 232–237], [Подосокорский, 2023а]). Кроме того, рассказчик у Достоевского, нещадно прерывая в «Зимних заметках...» восторженную речь дряхлого и почтенного инвалида о Ланне как бы «общеизвестными» подробностями гибели маршала Франции, на самом деле воспроизводит предельно поэтизированное, почти апокрифическое знание о характере его ранения, ведь на самом деле у герцога Монтебелло 22 мая 1809 г. были перебиты колени, из-за чего врачам позднее пришлось ампутировать ему левую ногу, но в точном смысле слова ему вовсе не «оторвало ядром обе ноги» в сражении при Асперне. Вместе с тем эта «неточность» говорит не столько о самоуверенности самого Достоевского, будто бы в порыве зазнайства нетерпеливо перебивающего пожилого экскурсовода в Пантеоне, сколько о художественном, а не публицистическом, характере всего текста произведения, напоминающего совместное плетение наполеоновской легенды двумя наполеонистами – генералом Иволгиным и князем Мышкиным в четвертой части «Идиота».

Можно попытаться установить наиболее репрезентативные источники описания смерти маршала Ланна, приведенного в «Зимних заметках о летних впечатлениях». О том, что последний был не просто военачальником, но именно «другом» Наполеона, в несколько странной форме сообщалось уже в русских некрологах 1809 г. В одном из них, опубликованном в «Вестнике Европы», издаваемом Василием Жуковским, читаем: «Маршал герцог Монтебелло (Ланн) умер от раны. Император Наполеон весьма огорчен смертью своего *друга* – так называют его издатели **Ведомостей**»¹ [Вестник Европы, 1809, № 13, с. 75–76]. Из этого сообще-

---

¹ В приводимых цитатах выделение обычным курсивом принадлежит автору цитаты, выделение полужирным – автору настоящей статьи.

ния не вполне понятно – являлся ли Ланн на самом деле, с точки зрения автора некролога, «другом» императора, или же таким его окрестили другие авторы и издания? О том, что Наполеон высоко ценил Ланна, писали многие мемуаристы. По свидетельству Лоры Жюно, герцогини д'Абрантес (1784–1838), Ланн был указан им как «совершенный образец военного человека» [Абрантес, 1835–1839, т. 7, с. 51–52]. Телохраниитель Бонапарта в течение многих лет мамлюк Рустам Раза отмечал, что император был настолько потрясен кончиной маршала, что «за завтраком, за обедом, когда он ел суп, его слезы капали в тарелку» [Кастело, 2004, с. 217], но тужил ли он так по своему верному военному слуге или все же именно по другу – остается не до конца ясным. Сам Наполеон в беседе с Э.О. де Лас Казом на острове Святой Елены вспоминает о Ланне в следующих выражениях.

Император рассказал также о последних минутах жизни маршала Ланна, доблестного герцога Монтебелло, справедливо прозванного «Орландо» французской армии. Когда император навел на умирающего Ланна, маршал, казалось, забыл о собственном состоянии, из последних сил проявляя сочувствие к императору, которого любил превыше всех. Император глубоко уважал Ланна. «Долгое время, – заявил он, – Ланн был простым солдатом, но потом стал высокочеловеческим офицером» [Лас-Каз, 2010, кн. 1, с. 353–354].

Император <...> опять сказал, что потеря маршала Ланна вызвала у него большое искреннее сожаление. «Бедняга Ланн, – сказал император, – ночь накануне сражения провел в Вене, занимаясь подготовкой к битве вместе со своими подчиненными. Он появился на поле сражения голодным и сражался весь день. Врач сказал, что эти три обстоятельства стали причиной его смерти. Ему требовалось много сил после ранения, но, к сожалению, его организм был уже почти истощен. Обычно говорят, – заметил император, – что смерть лучше, чем некоторые ранения, но я уверяю вас, что такие случаи крайне редки. Именно в ту минуту, когда приходится расставаться со своей жизнью, мы всеми силами цепляемся за неё. Ланн, храбрейший из храбрейших, **лишившись обеих ног**, и слышать не хотел о возможной смерти. Он был в высшей степени раздосадован и заявил, что два хирурга, оперировавшие его, заслуживают виселицы за то, что они так варварски обошлись с ним. К сожалению, он услышал, как хирурги, считая, что их не слышат, шептались друг другу, что у него нет надежды выжить. Каждую минуту несчастный Ланн звал меня: всё, что осталось в его жизни, он связывал только со мной, он хотел слышать одного меня, он думал только обо мне. Это был своего рода природный инстинкт! Несомненно, он любил жену и детей сильнее, чем

меня. Тем не менее он не говорил о них. Конечно, он заботился о них, в то время как я был его покровителем. **Для него я был чем-то неопределенным и неясным, каким-то высшим существом, его провидением, которое он звал на помощь»** [Лас-Каз, 2010, кн. 2, с. 22].

Как видно из приведенных цитат, император французов хотя и отдавал должное храбрости и самоотверженности Ланна, все же не считал его равным себе, делая акцент не на их взаимной дружбе, а на фанатичной преданности последнего своему монарху и главнокомандующему.

А вот как рассказывает в своих мемуарах¹ о смертельном ранении Ланна и плаче над ним Наполеона непосредственный свидетель события, его адъютант и известный творец наполеоновской легенды Жан-Батист-Антуан-Марселен де Марбо (1782–1854). Его рассказ исключительно важен для уяснения того, как умирал Ланн *на самом деле*. Не исключено, что **его устные рассказы еще при его жизни могли повлиять на описания соответствующего события у других мемуаристов** (вроде генерала Пеле), о которых речь пойдет далее.

Он сидел, прикрыв рукой глаза, скрестив ноги, погруженный в печальные размышления. И в этот момент небольшое ядро третьего калибра, выпущенное со стороны Энцесдорфа, после рикошета угодило прямо в скрещенные ноги маршала! Оно разбило ему коленную чашечку на одной ноге и подколенную впадину на другой.

Я бросился к нему в тот же миг. Он сказал мне: «Я ранен... это ничего... дайте мне руку, помогите подняться...» Он попробовал встать, но это было невозможно! <...>

Мы донесли маршала до предмостного укрепления, где его приняли главные хирурги. Они собрались на консилиум, но их мнения разошлись. Доктор Ларрей считал, что требуется ампутация ноги с поврежденным коленом. Другой врач, имя которого я забыл, считал, что ампутировать надо обе ноги, а доктор Иван, от которого я и узнал все эти подробности, был против ампутации вообще. Этот хирург давно знал

---

¹ Хотя мемуары Марбо полностью были опубликованы лишь в 1891 г., различные его сочинения и рассказы о Наполеоновских войнах начали издаваться еще при жизни Наполеона I, получив высокую оценку последнего. Нельзя недооценивать и устный обмен воспоминаниями между участниками Наполеоновских войн. А как замечает князь Мышкин в «Идиоте» по поводу других воспоминаний о той эпохе: «К тому же всякие записки очевидцев драгоценность, даже кто бы ни был очевидец. Не правда ли?» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 410].

маршала и считал, что стойкость этого человека давала некоторую надежду на выздоровление, а операция, проведенная в такую жаркую погоду, неизбежно приведет раненого к могиле. Ларрей был старшим врачом, его мнение возобладало, и маршалу ампутировали одну ногу...

Он очень мужественно перенес операцию. Император пришел к нему сразу по ее окончании. Их свидание было очень трогательным. Император плакал, опустившись на колени перед носилками, обняв маршала, и белый кашемировый жилет императора окрасился его кровью.

Некоторые неблагоприятно настроенные люди написали потом, что маршал Ланн в этот момент упрекал императора и призывал его не вести больше войн. Но я поддерживал маршала на носилках, слышал все, что тот говорил, и заявляю, что это не так. Маршал был тронут вниманием императора, и, когда тот, собравшись уходить, чтобы позаботиться о спасении армии, сказал Ланну: «Вы будете жить, **мой друг**, вы будете жить...», маршал ответил, сжимая его руки: «Я хотел бы этого, если смогу быть еще полезным Франции и Вашему Величеству!» [Марбо, 2005, с. 336–337].

В рассказе Марбо о герцоге Монтебелло, умершем спустя неделю после ранения на его руках («Я находился у его изголовья, он прислонил голову к моему плечу, казалось, задремал, и испустил последний вздох!..» [Марбо, 2005, с. 341]), Ланн остается верным своему императору, который все же называет его своим *другом*. Героической смерти маршала Ланна в окружении боевых товарищей и в объятиях Наполеона был посвящен целый ряд произведений искусства 1810–1850-х годов, среди которых картины, гравюры и рисунки Альберта Поля Буржуа (ум. 1812), Пьера-Нарсиса Герена (1774–1833), Франсуа-Луи Куше (1782–1849) и др. Мы не знаем наверняка, мог ли видеть какую-то из них Достоевский, но в любом случае они в большинстве своем лишь отражали закрепившуюся в массовом сознании уже в первой трети XIX в. сцену прощания Наполеона с Ланном, «умирающим на поле сражения».

Однако наиболее приближенной к тексту Достоевского, вероятно, является глава «Смерть Ланна» из сборника «Воспоминания о Наполеоне», составленного Эмилем Марко де Сент-Илером и изданного в переводе на русский язык в 1840 г. Ее автором указан пэр Франции, генерал-лейтенант, барон Жан Жак Жермен Пелле-Клозо (1777–1858), участвовавший в той самой битве при Эсслинге (или Асперне) в чине капитана [Генералы Наполеона, 2004,

с. 161]. Вот как он описывает плач Наполеона по своему умирающему другу:

Маршал снова садится на той же отдели. Его окружают офицеры, пощаженные смертию, как вдруг ядро, наудачу пущенное из Энциндорфа (так в цитируемом издании. – *Н. П.*), делая рикошет, **раздробляет ему колени** – Ланна несут на остров Лобау к тому месту, где находились Наполеон и Массена.

Император, увидев его, бежит к нему, обнимает его, покрывает поцелуями, берет его и говорит ему голосом прерывающимся от рыданий:

– Ланн, **друг мой**, узнаешь ли ты меня?... Это я.... это Император.... **это друг твой Бонапарт!**.. Ланн... Ланн... мы спасем тебя...

При звуках этого любимого голоса маршал открывает глаза и едва внятно отвечает:

– Государь, я желал бы жить... если жизнь моя будет полезна вам... вам и нашей Франции... но я думаю, что прежде нежели через час... **вы лишитесь... того, кто был вашим лучшим другом.**

Наполеон, стоя на коленях перед умирающим героем, плакал жаркими слезами. Это свидание, эти объятия растрогали нас до глубины души. Ланна понесли. Наполеон, рыдая, сказал Массене:

– Надобно же было, чтоб случилось такое несчастье и именно в такой бедственный день! <...>

Ланн скончался 30 числа; с 24 числа **до самой кончины своей он находился в бреду, воображал, что он находится на поле битвы**; давал приказания своим подчиненным и просил помощи у Императора, которого не узнавал уже в эти дни. **Во все это время Наполеон навещал его ежедневно утром и вечером.** Наедине Император не видал его ни однажды, и маршал, как уверяли лица, ни на минуту от него не отходившие, вовсе не произносил тех слов¹, которые были ему приписаны [Воспоминания о Наполеоне, 1840, с. 209–210].

В описании генерала Пеле, которого Ф.К. Шлоссер называет «слепым обожателем Бонапарте» [Шлоссер, 1858–1860, т. 7, с. 393], присутствуют почти все ключевые оценки смерти Ланна,

---

¹ Как отмечает Н.А. Троицкий: «Поскольку Ланн был единственным из соратников Наполеона, кто мог, что называется, резать правду-матку в лицо императору, историки спорят, действительно ли перед смертью маршал упрекал императора в деспотизме и “ненасытных амбициях”. А.З. Манфред склонен был принять такую версию за истину, но Андре Кастело и Жан Тири ее отвергают, ссылаясь на свидетельства баронов М. Марбо, Ж. Пеле и других лиц, которые не отходили от постели раненого маршала с первого и до последнего его часа» [Троицкий, 2020, т. 2, с. 165].

содержащиеся в «Зимних заметках...»: несколько раз повторены слова о маршале как «друге» (и даже «лучшем друге») императора, описаны рыдания Наполеона над своим соратником, подчеркнуто непосредственное присутствие императора рядом с раненым маршалом едва ли не до самой смерти последнего, который, в свою очередь, воображал в бреде, что все еще «находится на поле битвы». Не согласуются с этим свидетельством только слова рассказчика «Зимних заметок...» о том, что маршалу Ланну «оторвало ядром обе ноги», поскольку Пеле, как и Марбо, пишет лишь о раздробленных коленях герцога Монтебелло.

И если, несмотря на выявленные сходства в описаниях смерти Ланна у Пеле и Достоевского, у нас все равно нет доказательств, что писатель был наверняка знаком со сборником «Воспоминания о Наполеоне» (1840), хотя это и кажется нам очень вероятным, то относительно другого авторитетного труда, а именно 20-томной «Истории Консульства и Империи» (1845–1862) Адольфа Тьера, у нас такое верифицированное знание есть. Отрывки из упомянутой «Истории...» Тьера в русском переводе публиковались во второй половине 1840-х годов в журнале «Отечественные записки», с которым тогда же активно сотрудничал Достоевский, а отдельное издание сочинения французского историка позднее имелось в домашней библиотеке писателя [Библиотека Ф.М. Достоевского, 2005, с. 248]¹. Также известно, что Достоевский настоятельно советовал прочесть этот фундаментальный труд своей племяннице С.А. Ивановой в письме к ней от 29 марта 1868 г. [Достоевский, 1972–1990, т. 28, кн. 2, с. 293].

Тьер, как и другие процитированные выше авторы, также пишет о том, что Ланн назвал себя «лучшим другом» императора [Тьер, 2012–2014, кн. 2, т. 2, с. 608–609], что он был «сражен ядром, перебившим ему оба колена» [Тьер, 2012–2014, кн. 2, т. 2, с. 605], и что Наполеон увидел его лежащим на носилках, «с раздробленными ногами» [Тьер, 2012–2014, кн. 2, т. 2, с. 608]. Иначе говоря, Достоевский не мог не знать в точности этих обстоятельств ранения маршала Ланна, но зачем-то вложил в уста рассказчика «Зимних заметок...», который, очевидно, не тождественен ему

---

¹ Достоверно неизвестно, какое именно издание «Истории Консульства и Империи» Тьера имелось в библиотеке писателя, но можно с уверенностью сказать, что Достоевский читал этот труд и по-русски (либо только версию, опубликованную в «Отечественных записках», либо еще и отдельное сокращенное издание) и по-французски (все 20 томов).

самому, заведомо вымышленные слова об «оторванных ядром обеих ногах» наполеоновского друга, тогда как в действительности герцогу Монтебелло французские хирурги ампутировали лишь одну ногу. Данное противоречие между достоверным знанием исторического факта и намеренным искажением его в «Зимних заметках...» служит дополнительным аргументом в пользу того, что рассматриваемое нами произведение Достоевского является вовсе не *публицистическим очерком*, но полноценным художественным произведением, и к приводимым в нем диалогам и замечаниям следует относиться соответствующим образом¹.

Тем не менее даже у такого очевидного искажения подлинных обстоятельств гибели маршала Ланна есть конкретные источники – это, к примеру, пятитомная «История Наполеона» Н.А. Полевого (1844–1848), которую Достоевский, по-видимому, прочел еще в юности. В четвертом томе² названного труда сообщается следующее о сражении при Эсслинге: «Началась страшная канонада. Французы отвечали слабо, но были непоколебимы. К ночи канонада умолкала постепенно. Горестная потеря ознаменовала конец битвы – **одним из последних ядер австрийских оторвало обе ноги маршалу Ланну**» [Полевой, 1844–1848, т. 4, с. 63]. Но трудно предположить, что Достоевский мог запомнить эту деталь как достоверную, учитывая то, что далее Полевой как будто поправляет самого себя:

Оставя войска начальству Массены, Наполеон спешил переправиться через Дунай в лодке. Твердость его поколебалась, когда он увидел Ланна, несомого гренадерами на носилках; он остановил их, бросился к старому товарищу, и со слезами обнял героя, начавшего с ним Итальянский поход 1796 полковником – участника битв при Лоди, Арколе, Абу-

---

¹ Т.А. Касаткина в своей недавней теоретической статье также рассматривает «Зимние заметки...» как именно художественный опыт писателя, отмечая последовательную самоиронию автора [Касаткина, 2024, с. 228].

² Завершающие четвертый и пятый тома «Истории Наполеона» были изданы в 1848 г. уже после смерти Н.А. Полевого (1796–1846). В «Объяснительном примечании» к четвертому тому сообщается, что эти два тома были дописаны по просьбе издателей его братом К.А. Полевым (1801–1867) на основе рукописей, отобранных материалов и составленного общего плана сочинения, оставшихся после покойного [Полевой, 1844–1848, т. 4, с. II]. Впрочем, в этом же примечании указано, что Н.А. Полевой все же успел полностью написать одиннадцатую книгу, открывающую четвертый том, а именно в ней и рассказывается об интересующей нас смерти маршала Ланна.

кире, Аустерлице, Фридланде, победителя при Монтебелло, еще так недавно грозного при Сарагоссе и Регенсбурге, и вместе с Массеною спасителя армии в Эсслинской битве. «Государь!» – сказал Ланн, собрав последние силы – «простите! Живите для счастья всех и **вспомните иногда о старом друге вашем!**» Он не мог более говорить, жил еще дня два, и **умер после отнятия ноги**. Наполеон несколько раз посещал его, утешал в страданиях, отправил тело его в Париж и почтил великолепным погребением [Полевой, 1844–1848, т. 4, с. 65].

Уже при выходе первых томов «Истории Наполеона» Полевого первые читатели и критики указали на массу ошибок, содержащихся в этом на скорую руку сделанном сочинении. Например, В.Г. Белинский писал в «Отечественных записках»: «Пусть читают добрые люди “Историю Наполеона”, сочиненную г. Полевым, если не могут читать “Истории Наполеона”, сочиненной Тьером» [Белинский, 1845, с. 14], и добавлял: «Жаль только, что г. Полевой иногда *странно* ошибается в фактах <...>» [Белинский, 1845, с. 15].

По всей вероятности, «странная ошибка» относительно ранения маршала Ланна перекочевала в труд Полевого либо из книги военного писателя Антуана-Анри Жомини (1779–1869) «Политическая и военная жизнь Наполеона», в которой сообщается, что под Эсслингом «ядро на излете, пущенное со стороны Энцерсдорфа, оторвало обе ноги маршалу Ланну» [Жомини, 1838–1842, ч. 4, с. 253], либо из еще более раннего сочинения британского исторического романиста Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов» (1827), изданного к концу 1830-х годов в русском переводе как минимум дважды: в 14 частях в типографии А. Смирдина (1831–1832) и в 4 томах в типографии И. Глазунова, А. Смирдина и К° (1836–1837) – оба издания в переводе с английского С.С. де Шаплета (1798–1834). Известный предельно вольным отношением к изложению исторических фактов¹ Вальтер

---

¹ О многочисленных ошибках или даже «намеренных измышлениях», содержащихся в книге Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов» см., к примеру: [Троицкий, 2020, т. 1, с. 43; Троицкий, 2020, т. 2, с. 464]. В критической статье, посвященной разбору этой биографии и опубликованной в № 4 журнала Николая Полевого «Московский телеграф» в 1828 г. под псевдонимом F****, также отмечалось: «Основной, и может быть неисправимый недостаток всего этого огромного здания, есть дурной выбор материалов. Вместо того, чтобы основанием своего труда поставить публичные акты и все к ним относящееся по важности и достоверности, историк почти везде составлял, то есть, рассказывал, описывал и судил, основываясь на памятных записках (mémoires). Сочинители их, долженствовавшие быть только свидетелями при исследовании,

Скотт дважды отмечает, что в сражении при Асперне «Ланну оторвало ядром обе ноги», при этом называя маршала Франции всего лишь «генералом» [Скотт, 1995, т. 1, с. 617].

Таким образом, Достоевский в художественных целях совершенно сознательно заставляет рассказчика «Зимних заметок...», который и в других главах обращается к разного рода историческим анекдотам, приводить в запальчивости заведомо неточные сведения, хотя и восходящие к сочинениям Н.А. Полевого, А.-А. Жомини, В. Скотта и популярным биографиям Наполеона, написанным разными журналистами и публицистами (в ряде последних утверждалось, что маршалу Ланну «оторвало» ядром только одну ногу)¹. Похожий прием он использовал и позднее в романе «Идиот», в котором генерал Иволгин, опираясь на множество вполне конкретных исторических, мемуарных и литературных трудов, путает² графа Дарю и маршала Даву (об этом будет сказано в следующем разделе статьи) и проч. Что же касается «Зимних заметок...», то слова рассказчика про «оторванные» ноги маршала Ланна органично вписываются в литературную традицию

показались ему удобными и верными руководителями. Сверх того, он следовал иногда одному из них, иногда другому, поочередно, не приводя их в порядок, и что еще хуже, не соглашая одного с другим. Отсюда, неминуемо неверный ход, неясные картины, нетвердость суждений; всего более, отсюда промахи, бесчисленные неточности, беспрестанные повторения, и наконец противоречия <...>» [Московский телеграф, 1828, № 4, с. 522]. О возможном влиянии этого труда Скотта на Достоевского писала Э.М. Жилиякова [Жилиякова, 2012].

¹ Например, в сочинении французского журналиста Жоржа Тушар-Лафоса (1780–1847), изданном в 1832 г. в четырех частях на русском языке под названием «Полная история семейственной и военной жизни Наполеона Бонапарте...» читаем, что когда во время Эсслингской битвы «Ланн (герцог Монтебелло) разсезжал пред фронтом, ободрял солдат, обещая им победу, **роковое ядро оторвало ему правую ногу** и повредило левую» [Тушар-Лафос, 1832, ч. 3, с. 24–25]. В не представляющей какой-либо научной ценности книге французского публициста Поля Матьё Лареша (1793–1877), писавшего под псевдонимом Лоран де л'Ардеш, «История Наполеона», русский перевод которой вышел в 1842 г., также сообщается о Ланне, что к концу Эсслингского сражения «ядро оторвало ему ногу» [Лоран де л'Ардеш, 1842, с. 379], хотя чуть далее сам автор пишет о том, что герцогу была проведена «операция отнятия ноги». Продолжатели же «Всеобщей древней и новой истории» аббата Милло (Миллон, Делиль де Саль и Буэнвилье) написали о Ланне предельно лаконично, что он был «убит пушечным ядром» [Милло, 1820, ч. 12, с. 310].

² Т.А. Касаткина справедливо пишет, что Достоевский зачастую использует прием «ошибки» в речи героя для того, чтобы акцентировать внимание на истинной цели персонажа, которая становится понятна только через глубинный анализ этой «ошибки» [Касаткина, 2015, с. 166–167].

трагикомического изображения настоящих и мнимых инвалидов Наполеоновских войн от гоголевского капитана Копейкина в «Мертвых душах» до генерала Николая Опочинина в «Свидании с Бонапартом» Б.Ш. Окуджавы [Подосокорский, 2024а, с. 246]. В романе Достоевского «Идиот» Лебедев в ответ на рассказ генерала Иволгина о его дружбе с Наполеоном сочиняет собственную фантастическую историю о том, как ему в детстве отстрелил левую ногу солдат наполеоновской армии. С этой фантазией Лебедева знакомит князя Мышкина все тот же генерал Иволгин:

Но всё до известной черты, даже и качества; и если он вдруг, в глаза, имеет дерзость уверять, что в двенадцатом году, еще ребенком, в детстве, он лишился левой своей ноги и похоронил ее на Ваганьковском кладбище, в Москве, то уж это заходит за пределы, являет неуважение, показывает наглость...

– Может быть, это была только шутка для веселого смеха.

– Понимаю-с. Невинная ложь для веселого смеха, хотя бы и грубая, не обижает сердца человеческого. Иной и лжет-то, если хотите, из одной только дружбы, чтобы доставить тем удовольствие собеседнику; но если просвечивает неуважение, если именно, может быть, подобным неуважением хотят показать, что тяготятся связью, то человеку благородному остается лишь отвернуться и порвать связь, указав обидчику его настоящее место.

Генерал даже покраснел, говоря.

– Да Лебедев и не мог быть в двенадцатом году в Москве; он слишком молод для этого; это смешно.

– Во-первых, это; но, положим, он тогда уже мог родиться; но как же уверять в глаза, что французский шассёр навел на него пушку и отстрелил ему ногу, так, для забавы; что он ногу эту поднял и отнес домой, потом похоронил ее на Ваганьковском кладбище и говорит, что поставил над нею памятник с надписью с одной стороны: «Здесь погребена нога коллежского секретаря Лебедева», а с другой: «Покойся, милый прах, до радостного утра», и что, наконец, служит ежегодно по ней панихиду (что уже святотатство) и для этого ежегодно ездит в Москву. В доказательство же зовет в Москву, чтобы показать и могилу, и даже ту самую французскую пушку в Кремле, попавшую в плен; уверяет, что одиннадцатая от ворот, французский фальконет прежнего устройства.

– И притом же ведь у него обе ноги целы, на виду! – засмеялся князь. – Уверяю вас, что это невинная шутка; не сердитесь.

– Но позвольте же и мне понимать-с; насчет ног на виду, – то это еще, положим, не совсем невероятно; уверяет, что нога черносвитовская...

– Ах да, с черносвитовскою ногой, говорят, танцевать можно.

– Совершенно знаю-с; Черносвитов, изобретя свою ногу, первым делом тогда забежал ко мне показать. Но черносвитовская нога изобретена несравненно позже... И к тому же уверяет, что даже покойница **жена его в продолжение всего их брака не знала, что у него, у мужа ее, деревянная нога.** «Если ты, говорит, когда я заметил ему все нелепости, – если ты в двенадцатом году был у Наполеона в камер-пажах, то и мне позволь похоронить ногу на Ваганьковском» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 411].

Рассказ об искусно созданном протезе, который будто бы невозможно отличить от настоящего, присутствует и в воспоминаниях о смерти маршала Ланна. Читаем об этом у генерала Пеле: «Маршал остался в Энцендорфе. Первым старанием его было осведомиться, где заказал себе граф Пальфи механическую ногу, при помощи которой можно бы было ездить верхом: так-то горячо желал Ланн служить своему отечеству!» [Воспоминания о Наполеоне, 1840, с. 210]¹.

Мы вовсе не утверждаем, что рассказ о якобы замененной ноге Лебедева имеет прямым источником историю об искусственной ноге генерала Пальфи, здесь важно подчеркнуть лишь то, что Достоевский на всем протяжении своего творчества всячески обыгрывал тему лишения ног в диалогах и образах различных героев-наполеонистов. Еще в раннем рассказе писателя «Господин Прохарчин» (1846) главный герой Семен Иванович, которого сравнивают с Наполеоном, назидательно говорит одному из жильцов «что-то вроде того, что когда Зиновий Прокофьич вступит в гусары, так отрубят ему, дерзкому человеку, ногу в войне и наденут ему вместо ноги деревяшку, и придет Зиновий Прокофьич и скажет: “Дай, добрый человек, Семен Иванович, хлебца!” – так не даст Семен Иванович хлебца и не посмотрит на буйного человека Зиновия Прокофьевича, и что вот, дескать, как, мол; поди-ка ты с ним» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 244] (о наполеоновском

---

¹ Генерал Марбо более подробен: «Ланн сохранял присутствие духа и разговаривал очень спокойно. Он был так далек от мысли отказаться от служения своей стране, как об этом писали некоторые авторы, что даже строил планы на будущее. Он знал, что **знаменитый венский механик Меслер сделал для австрийского генерала графа Пальфи искусственную ногу и тот мог ходить и сидеть в седле так, как будто бы с ним ничего не произошло.** Маршал попросил меня написать этому мастеру и пригласить его снять мерки для его ноги» [Марбо, 2005, с. 340]

мифе в этом рассказе см.: [Подосокорский, 2025, с. 286–298]). Про старого князя К., который видит Наполеона во сне и претендует на некоторое свое с ним сходство ([Подосокорский, 2025, с. 307]), в комической повести Достоевского «Дядюшкин сон» (1859) и вовсе говорится, что «он хромал на левую ногу; утверждали, что эта нога поддельная, а что настоящую сломали ему, при каком-то другом походе, в Париже, зато приставили новую, какую-то особенную, пробочную» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 300].

Подлинный замысел Достоевского относительно художественной сцены посещения рассказчиком парижского Пантеона в «Зимних заметках...» может быть дополнительно прояснен в сопоставлении с мемуарными и дневниковыми свидетельствами других русских путешественников 1830-х – начала 1860-х годов. Такие непосредственные, *документальные* рассказы, к примеру, оставили историк и переводчик В.М. Строев [Строев, 1841–1842, ч. 1, с. 45–46], поэт А.Н. Майков [Майков, 2015, с. 27–28], цензор А.В. Никитенко [Никитенко, 1955–1956, т. 2, с. 297] и др. Из этих описаний хорошо видно, насколько от них отличается взгляд на выдающиеся произведения искусства и историю и манера изложения «увиденного» за границей у Достоевского, интересующегося зачастую не тем, что «было на самом деле» и какие чувства у него это вызвало, а тем, что можно донести на этом материале до читателя при помощи гениального воображения. Анализ сцены в Пантеоне лишний раз показывает, что к самому себе рассказчик «Зимних заметок...» отнюдь не менее критичен и саркастичен, чем к выделяемым им буржуазным типам немцев, французов или англичан.

Заметим также, что в начале 1860-х годов интерес петербургской публики и читателей «Времени» к фигуре маршала Ланна, на которой так подробно остановился в своих художественных очерках Достоевский, мог подогреваться и тем, что в период написания и журнальной публикации «Зимних заметок о летних впечатлениях» послом Франции в Петербурге был его старший сын, получивший одно из своих имен в честь императора Наполеона – Луи Наполеон Огюст Ланн (1801–1874) – он занимал этот пост с 1858 по 1864 г. Его дипломатическая деятельность, в числе прочего, оказала заметное влияние на область литературы и книгоиздания¹.

---

¹ Как отмечает П.П. Черкасов: «Важным достижением герцога де Монтебелло на посольском посту в Петербурге стало заключение 6 апреля 1861 г. фран-

**«Всего чаще находился при нем Даву».
Маршал Луи-Николя Даву в романе «Идиот»**

В фантастическом рассказе¹ генерала Иволгина о его службе камер-пажом у Наполеона в Москве в 1812 г. в четвертой главе четвертой части романа «Идиот» император французов изображен в окружении своих маршалов, из которых только один назван по имени – это получивший у современников прозвище «Железного маршала» Луи-Николя Даву (1770–1823), герцог Ауэрштедтский и князь Экмольский, остававшийся верным Наполеону вплоть до второго отречения последнего. Как отмечает историк Н.А. Троицкий, Даву «отличался редким для маршала империи бескорытием, республиканской честностью и прямоотой. Наполеон, будучи уже в изгнании, его охарактеризовал таким образом: “Это один из самых славных и чистых героев Франции”. <...> Разносторонне одаренный стратег, администратор, политик, “великий человек, еще не оцененный по достоинству”, как писал о нем в 1818 г. Стендаль, Даву был исключительно требователен к себе и другим, в любых условиях железной рукой поддерживал порядок и дисциплину. Поэтому одна из лучших его биографий так и называется – “Железный маршал”»² [Троицкий, 1993, с. 170].

ко-российской конвенции по авторским правам в области литературы и искусства. Это был первый документ такого рода в истории двусторонних отношений. Он регламентировал порядок перепечатки и воспроизведения в обеих странах книг, брошюр, пьес, музыкальных сочинений, произведений живописи и скульптуры, опубликованных научных трудов, карт, литографий и других объектов интеллектуальной собственности. Конвенция защищала как авторские права, так и права наследников создателей тех или иных произведений, вводя судебную ответственность за нарушение этих прав. Понятно, что конвенция в наибольшей степени отвечала интересам французских авторов и издателей, в течение многих десятилетий несших убытки от несанкционированного воспроизведения и перевода их произведений в России» [Черкасов, 2014, с. 166].

¹ Ю.М. Лотман сравнивает новеллу Иволгина о Наполеоне с мемуарным рассказом декабриста Д.И. Завалишина (1804–1892) о его встрече с Ж.-Б.Ж. Бернадотом, бывшим наполеоновским маршалом (до 1810), уволенным с французской службы в связи с его избранием кронпринцем Швеции (впоследствии он стал и королем Швеции под именем Карла XIV Юхана) [Лотман, 2004, с. 113], но это сопоставление не кажется нам в должной мере обоснованным и продуктивным для понимания наполеоновской легенды в «Идиоте».

² Троицкий имеет в виду книгу: Gallaher J. The Iron Marshal. London, 1976. Стремление же Даву жестко поддерживать дисциплину в войсках не благоволившая к нему герцогиня д’Абрантес называет «нравственной инквизицией» [Абрантес, 1835–1839, т. 7, с. 91].

Даву как военачальник упоминается в ряде русских исторических романов первой половины XIX в., посвященных войне с Наполеоном (например, в романе М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) [Загоскин, 1987, т. 1, с. 611] и в др.). А вот как о «Железном маршале» повествует большой выдумщик генерал Иволгин в романе Достоевского:

Выезжал он пред обедом, в свите обыкновенно бывали Даву, я, мамелюк Рустан...

– Констан, – выговорилось с чего-то вдруг у князя.

– Н-нет, Констан тогда не было; он ездил тогда с письмом... к императрице Жозефине; но вместо него два ординарца, несколько польских улан... ну, вот и вся свита, кроме генералов, разумеется, и маршалов, которых Наполеон брал с собой, чтоб осматривать с ними местность, расположение войск, советоваться... Всего чаще находился при нем Даву, как теперь помню: огромный, полный, **хладнокровный человек в очках**, с странным взглядом. С ним чаще всего советовался император. Он ценил его мысли. Помню, они совещались уже несколько дней; Даву приходил и утром, и вечером, часто даже спорили; наконец Наполеон как бы стал соглашаться. Они были вдвоем в кабинете, я третий, почти не замеченный ими. Вдруг взгляд Наполеона случайно падает на меня, странная мысль мелькает в глазах его. «Ребенок! – говорит он мне вдруг, – как ты думаешь: **если я приму православие и освобожу ваших рабов, пойдут за мной русские или нет?**» – «Никогда!» – вскричал я в негодовании. Наполеон был поражен. «В заблеставших патриотизмом глазах этого ребенка, – сказал он, – я прочел мнение всего русского народа. Довольно, Даву! Всё это фантазии! Изложите ваш другой проект».

– Да, но и этот проект была сильная мысль! – сказал князь, видимо интересуюсь. – Так вы приписываете этот проект Даву?

– По крайней мере они совещались вместе. Конечно, мысль была наполеоновская, орлиная мысль, но и другой проект был тоже мысль... **Это тот самый знаменитый «conseil du lion»**, как сам Наполеон назвал этот совет Даву. Он состоял в том, чтобы затвориться в Кремле со всем войском, настроить бараков, окопаться укреплениями, расставить пушки, убить по возможности более лошадей и посолить их мясо; по возможности более достать и намародерничать хлеба и прозимовать до весны; а весной пробиться чрез русских. Этот проект сильно увлек Наполеона. Мы ездили каждый день кругом кремлевских стен, он указывал, где лопать, где строить, где лонет, где равелин, где ряд блокаузов, – взгляд, быстрота, удар! Всё было наконец решено; Даву приставал за окончательным решением. Опять они были наедине, и я третий. Опять Наполеон ходил по комнате, скрестя руки. Я не мог оторваться от его лица, сердце

мое билось. «Я иду», – сказал Даву. «Куда?» – спросил Наполеон. «Солить лошадей», – сказал Даву. Наполеон вздрогнул, решалась судьба. «Дитя! – сказал он мне вдруг, – что ты думаешь о нашем намерении?» Разумеется, он спросил у меня так, как иногда человек величайшего ума, в последнее мгновение, обращается к орлу или решетке. Вместо Наполеона я обращаюсь к Даву и говорю как бы во вдохновении: «Улепетывайте-ка, генерал, восвояси!» Проект был разрушен. Даву пожал плечами и, выходя, сказал шепотом: «**Bah! Il devient superstitieux!**» А назавтра же было объявлено выступление [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 415–416].

В приведенном отрывке обращают на себя внимание три момента: описание внешности «Железного маршала», упоминание «проекта» Даву о «принятии православия» Наполеоном и освобождении от крепостной зависимости русских крестьян; наконец «совет Льва», согласно которому Наполеону с армией следовало бы остаться на зиму в захваченной Москве. Что касается внешнего портрета маршала, то описание Иволгина в целом довольно точное. Например, поэт-партизан Денис Давыдов, видевший маршала Даву в Тильзите в 1807 г., описал его как «дебелого, довольно высокого роста, лысого, с очками на носу и незамечательной наружности, но уже знаменитого воина по Ауэрштетской победе, собственно ему принадлежащей» [Давыдов, 1860, ч. 2, с. 264]. В.Н. Шиканов отмечает, что Даву был «очень близорукий человек (не различал без очков предметы на расстоянии 100 шагов)» [Шиканов, 2002, с. 227].

Кроме того, Даву, действительно, был одним из главных военачальников Великой армии в Русском походе 1812 г. – на начальном этапе войны он командовал Первым армейским корпусом, а при отступлении французов из Москвы возглавлял их аррьергард [Чиняков, 2004, с. 218]. В письмах к нему в период войны 1812 г. Наполеон неизменно называет его «братом» [Попов, 2023, с. 8, 44, 86]. Помимо князя Экмюльского, в Москву вместе с Наполеоном вступили еще несколько маршалов Франции – среди них были Луи Александр Бертье (начальник Генерального штаба), Эдуар Адольф Казимир Мортье (командующий пехотой Молодой гвардии, назначенный также военным губернатором Москвы и Московской провинции), Иоахим Мюрат (командующий резервной кавалерией)¹, Франсуа Жозеф Лефевр (командующий пехотой

---

¹ Став в 1808 г. королем Неаполитанского королевства, Мюрат значительно возвысился над всеми своими прежними званиями и титулами, поэтому при-

Старой гвардии), Мишель Ней (командующий Третьим армейским корпусом) и Жан-Батист Бессьер¹, – но имена их в «Идиоте» не названы (генерал Иволгин говорит лишь о маршалах в целом, специально выделяя из них только одного Даву).

Одним из источников изображения маршала Даву в «Идиоте» могли быть «Записки» генерала Василия Алексеевича Перовского (1795–1857), фрагмент которых о его пребывании в плену у французов был опубликован в № 3 журнала «Русский архив» в 1865 г. Достоевский упомянул мемуары Перовского в романе «Игрок» (1866) [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 212], а в «Идиоте» сделал читателями журнала «Русский архив» князя Мышкина и генерала Иволгина [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 412]. Взятый в плен Перовский при своей невольной встрече с маршалом Даву заметил, что тот говорил с ним «строгим, грубым голосом» и при этом «весьма хладнокровно» [Перовский, 1865, стб. 270]. Из рассказа Перовского генерал Иволгин мог позаимствовать не только оценку Даву как «хладнокровного» человека, но и саму манеру *Железного маршала* выражаться. У Перовского Даву говорит: «Ба! да я вас знаю!» [Перовский, 1865, стб. 270]. У Иволгина Даву восклицает: «Bah! Il devient superstitieux!». Кроме того, и Перовский, и Иволгин нарочито именуют маршала Даву «генералом», как бы принижая его звание [Перовский, 1865, стб. 270–272], [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 416].

Теперь разберем все проекты и советы, приписываемые Даву генералом Иволгиным. Первый проект касался сразу двух вопросов: принятия Наполеоном православия и освобождения им русских «рабов» (т.е. крепостных крестьян). Несмотря на то что в данном случае генерал Иволгин без должных оснований связал эти «предложения» с именем князя Экмюльского, сами по себе они отнюдь не были плодами одной его буйной фантазии и, действительно, так или иначе обсуждались в период франко-русского противостояния, причем в комплексе, ибо для освобождения крестьян необходимо было придать Наполеону некоторую «легитим-

---

нительно к 1812 г. считать его именно *маршалом Империи* можно только условно.

¹ Также в свиту Наполеона в Москве, разумеется, входил и великий маршал (обер-гофмаршал) Императорского двора, дивизионный генерал Жерар Дюрок, но его «маршальское» звание было высшим придворным, а не военным чином. Полный состав генералов так называемого кремлевского двора императора Наполеона осенью 1812 г. см.: [Фэн, 2017, с. 415–416].

ность» в их глазах¹. О том, что со времен Египетской кампании Бонапарт умело использовал религию местного населения в своих политических целях, было общеизвестно (подробнее об этом и о восприятии Наполеона современниками как «Магомета Нового времени», а также о переходе на службу Наполеону части русского православного духовенства в 1812 г. см.: [Подосокорский, 2022б]), однако важно, что Достоевского сюжет перемены Наполеоном своей веры интересовал еще с юности. В раннем рассказе писателя «Отставной», входящем в диологию «Рассказы бывшего человека. (Из записок неизвестного)» (1848), содержится устное воспоминание русского участника Наполеоновских войн, в котором затронут фольклорный мотив возможного перехода Наполеона в православие: «А было ему представлено, Бонапарту, чтоб крестился он в русскую веру и по русской вере присягу дал. Да не согласился француз; верой своей не пожертвовал... На том только и разошлись. Славное, сударь, времечко было!» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 426]. Представление о Наполеоне как о новом Спасителе легло в основу целого ряда сект, которые существовали в первой половине XIX в., в том числе и в России [Подосокорский, 2022б].

Но если вопрос о формальном «принятии» Наполеоном в 1812 г. православия остался уделом исключительно фольклора, то план императора французов по освобождению российских крестьян имел гораздо более реальное измерение. Так, слухи о том, что Наполеон хочет «завоевать Россию», чтобы «сделать всех вольными», фиксируются в русском обществе уже в 1806 г. [Дубровин, 1895, с. 25]. В частности, о таких брожениях доносил императору Александру I граф Ф.В. Ростопчин [Гросул, 2013, с. 46]. В 1807 г. крестьянин Алексей Корнилов, который был кучером у надворного советника Тузова, распространял слух, что Бонапарт писал Александру I «об освобождении всех крепостных людей в России – “иначе он и войны не прекратит”. А когда приедет Бонапарт, то, как утверждал тот же Корнилов, он будет служить Тузову за плату» [Гросул, 2013, с. 73]. В.Я. Гросул полагает, что после Тильзита слухи среди русского крестьянства о том, что Наполеон может

---

¹ Перед войной 1812 г. в России, в числе прочего, получили хождение слухи, что Наполеон есть не кто иной, как тайный сын императрицы Екатерины II, который вернулся, чтобы дать своим подданным волю. Московский градоначальник Ф.В. Ростопчин считал, что сей «ядовитый слухок» был распушен с легкой руки какого-то «мартиниста» [Искуль, 2017, с. 376].

дать им вольность, лишь усилились [Гросул, 2003, с. 151]. В 1811 г. П.Ф. Розен сообщал, что «Наполеон при открытии войны с Россией объявит свободу и уничтожение рабства в наших немецких провинциях» [Гросул, 2013, с. 74]. В апреле 1812 г. привлекли внимание властей дворовые люди П. Иванов и А. Медведев. По словам последнего, «скоро будут все вольны; помещики же будут на жалованье, и что скоро Москву возьмут французы». П. Иванов на допросе признался, что «слышал разговоры подобного рода в группе людей, собравшихся в центре Москвы, на Ильинской площади» [Гросул, 2013, с. 73–74]. В том же месяце московской полиции пришлось удалять надписи на стенах и воротах ряда московских домов вроде следующей: «Вольность! Вольность! Скоро будет всем вольность!» [Сироткин, 1988, с. 231]. Митрополит Московский Филарет (Дроздов) вспоминает, что перед войной 1812 г. многие воспринимали Наполеона как реальную альтернативу действующей в России династии: «Перед двенадцатым годом правительство утратило доверие. Государя звали *глухим тетеревом*, императрицу Марию *коровницей*, и некоторые – пока Наполеон был вдали – **ждали его, как освободителя**. Тогда некто Леонид, мой товарищ по Троицкой лавре, бывший потом под руководством преосвященного Феофилакта наставником словесности, сказывал мне: “будет тайное ополчение, и преосвященный Феофилакт пойдет в тайное ополчение”. Что за тайное ополчение – это и до сих пор осталось загадкой» [Филарет, 1906, с. 214–215]. Жена Санкт-Петербургского губернатора М.М. Бакунина – В.И. Бакунина – записала 1 мая 1812 г. в своем дневнике: «Боятся, что когда Наполеон приблизится к русским губерниям и объявит крестьян вольными, то может легко сделаться возмущение <...>» [Бакунина, 1885, с. 397]¹. Как убедительно показал в своей статье «Наполеон и крепостное право в России в 1812 году» А.И. Попов, в войну 1812 г. Наполеон методично изучал вопрос о возможных последствиях раскрепощения крестьян на разных территориях Российской империи и даже подогревал среди крестьянства локальные возмущения подобного рода, «однако все высказывания участников похода однозначно свидетельствуют, что от идеи освобождения крестьян Наполеона оттолкнул именно “беспредел” мужицкого бунта, который обладал лишь бездумной разрушительной силой и был не способен на что-либо конструктивное. Как человек политический, Наполеон понимал, что любая война должна завер-

---

¹ Обзор российских исследований о замыслах Наполеона по освобождению русских крестьян от крепостной зависимости см.: [Бабакина, 2013].

шиться миром, но с кем бы он стал его заключать, если бы в России воцарился хаос, анархия, безначалие? Он вовсе не собирался становиться вождем крестьянского бунта и увязать на многие годы в российских делах, “имея за плечами” “кровотокающую” Испанию и таких ненадежных союзников, как Австрия и Пруссия» [Попов, 2001].

Описание другого проекта, приписанного «Железному маршалу» генералом Иволгиным в «Идиоте» (так называемый *conseil du lion*), вероятно, основано на мемуарах участника Русского похода, адъютанта Наполеона, бригадного генерала и квартирмейстера при Главной квартире императора (в период войны 1812 года), графа Филиппа-Поля де Сегюра (1780–1873) «История Наполеона и Великой Армии во время войны 1812 года», впервые изданных в Париже в 1824 г. Правда, в изложении Сегюра *совет Льва* принадлежал вовсе не Даву (который, напротив, выступал за скорейший уход из Москвы [Тьер, 2012–2014, кн. 2, т. 3, с. 628]), а другому сподвижнику Наполеона – графу Пьеру Антуану Ноэлю Брюно Дарю (1767–1829), также участвовавшему в Русском походе. Именно последний предлагал императору французов остаться зимовать в Москве, заготовив из лошадей солонину:

Только с графом Дарю он изливал душу и говорил, что «пойдет на Кутузова, разгромит или отбросит его, а потом внезапно повернет к Смоленску». Граф отвечал ему, что «уже слишком поздно; русская армия перестроилась, а наша ослабела, и ее победа уже забыта. Как только мы оборотимся лицом к Франции, солдаты, нагруженные добычей, ринутся вперед поскорее сбывать ее. – Так что же делать? – **Оставаться здесь на зиму и превратить Москву в укрепленный лагерь.** Хлеба и соли хватит, я отвечаю за это. Кроме сего, нужна большая фуражировка; **лишних лошадей надо пустить на солонину.** Что касается зимних квартир, то если будет не хватать домов, есть еще подвалы и погреба. Весной к нам подойдут подкрепления и вся вооружившаяся Литва, и тогда мы сможем завершить сие завоевание».

Выслушав графа Дарю, император задумался, потом сказал: «**Это совет, достойный льва!** Но что скажет Париж, и что может случиться, если три недели от меня не будет никаких известий? А если полгода? Нет, Франция не свыкнется с моим отсутствием, и к тому же Австрия и Пруссия не преминут воспользоваться им» [Сегюр, 2014, с. 207–208]¹.

---

¹ В оригинале: «Ce ne fut qu'avec le comte Daru qu'il s'épancha franchement, mais sans faiblesse: "Il allait, disait-il, marcher sur Kutusof, l'écraser ou l'écarter, puis tourner subitement vers Smolensk". Mais alors Daru, jusque-là de cet avis, lui répond, "qu'il est trop tard; que l'armée russe est refaite, la sienne affaiblie, sa victoire oubliée!

В ослабленной пьянством памяти весьма начитанного генерала Иволгина созвучные имена Даву и Дарю могли смешаться и от того, что Сегюр и сам порой упоминал их вместе. Например: «Однако Даву и Дарю напоминают ему (Наполеону. – *Н. П.*) о “позднем времени года, голоде, пустынной дороге <...>”» [Сегюр, 2014, с. 201]. Книга графа де Сегюра, хотя и вышедшая раньше прочих, вряд ли является единственным возможным источником описания «совета Льва» в «Идиоте». Об этом же проекте Дарю упоминается и во многих других сочинениях. Вот как это изложено в «Жизни Наполеона Бонапарте, императора французов» Вальтера Скотта:

Говорят, что Дарю предложил превратить Москву в укрепленный лагерь и остаться в ней на зиму. Он считал, что **можно забить оставшихся лошадей и засолить их мясо**. Остальное продовольствие **должны были раздобыть мародеры**. Сначала Наполеон одобрил **этот план, назвав его Львиным**. Но в конце концов отказался от него, не рискуя на такой длительный срок порывать все связи с Францией [Скотт, 1995, т. 2, с. 138].

В изложении Скотта граф Дарю говорит императору не просто о том, что на зимовку в Москве «хлеба и соли хватит», но что, помимо лошадиного мяса, остальное необходимое продовольствие должны будут «раздобыть мародеры»¹, и такое название вещей

Que dès que son armée aura le visage tourné vers la France, elle lui échappera en détail. Que chaque soldat, chargé de butin, prendra les devants pour l’aller vendre en France. – Eh que faire donc! s’écria l’empereur? – Rester ici! reprit Daru, faire de Moskou un grand camp retranché et y passer l’hiver. Le pain et le sel n’y manqueront pas, il en répond. Pour le reste, un grand fourrage suffira. Ceux des chevaux qu’on ne pourra pas nourrir, il offre de les faire saler. Quant aux logemens, si les maisons manquent, les caves y suppléeront. Ainsi l’on attendra qu’au printemps, nos renforts et toute la Lithuanie armée viennent nous dégager, s’unir à nous et achever la conquête!”

A cette proposition, l’empereur resta d’abord muet et pensif; puis il répondit: “Ceci est un conseil de lion! Mais que dirait Paris? qu’y ferait-on? que s’y passe-t-il, depuis trois semaines qu’il est sans nouvelles de moi? qui peut prévoir l’effet de six mois sans communication! Non, la France ne s’accoutumerait pas à mon absence, et la Prusse et l’Autriche en profiteraient” » [Ségur, 1826, vol. 2, p. 94–95].

¹ По-видимому, на книгу В. Скотта опирались и авторы анонимного сборника «Наполеон Бонапарте», изданного в Петербурге в 1848 г.: «Все окружающие уговаривали его (Наполеона. – *Н. П.*) немедленно оставить Москву, в которой нельзя было прожить более месяца. Только комиссар Дарю подал мнение, что, убив половину лошадей и посолив их мясо, и продолжая мародерство в окрестностях, можно было бы продержаться в Москве зиму. Но тогда надлежало бы на

своими именами ближе к прекраснородушному рассказу Иволгина, у которого Даву также непосредственно указывает на необходимость «намародерничать хлеба», чтобы «прозимовать до весны». Похожий фрагмент, но более сглаженный (без употребления негативного слова «мародерство») есть и в «Истории Консульства и Империи» Адольфа Тьера:

Зимовка в Москве была решением чрезвычайно смелым, но такое решение имело своих сторонников. И один из них заслуживал величайшего уважения: то был Дарю, сопровождавший Наполеона в качестве государственного канцлера, занимавший также должность генерал-квартирмейстера Великой армии и справлявшийся с этой должностью с усердием, умом и энергией. Этот выдающийся администратор считал, что прокормить армию и обеспечить ее коммуникации зимой в Москве будет легче, чем довести ее целой и невредимой до Смоленска по новой, а значит незнакомой дороге, либо по известной, а значит разоренной.

Наполеон называл его совет советом льва, и действительно, чтобы ему последовать, нужна была редкостная отвага. Главная трудность состояла не в том, чтобы прокормить людей, как мы уже говорили, поскольку имелись запасы зерна, риса, овощей, спиртного и солонины. Можно было даже раздобыть свежего мяса, если только собрать скот до начала холодов и раздобыть фураж для его прокорма в течение нескольких месяцев. Главная трудность состояла в том, чтобы обеспечить существование лошадей, которые издыхали от истощения и которых было совершенно нечем кормить уже теперь, в не самое неблагоприятное время года. Конечно, можно было раздвинуть расположения еще дальше, доведя их до окружности в 12–15 лье, но это не означало больших шансов найти необходимый фураж [Тьер, 2012–2014, кн. 2, т. 3, с. 624–625].

Таким образом, новелла генерала Иволгина о Наполеоне в романе «Идиот», как и разговор о маршале Ланне и Наполеоне в «Зимних заметках о летних впечатлениях», представляет собой переосмысление описаний подлинных исторических событий и значительную творческую трансформацию реальных сочинений, что было необходимо Достоевскому для создания особого художественного

целые полгода отказаться от всякого сообщения с Францией, со всем Западом, а в течение этого времени и Франция, и Германия, и весь Запад не стали бы терпеть несносного ига» [Наполеон Бонапарте, 1848, ч. 2, с. 22–23].

колорита в изображении современной наполеоновской легенды и усложнения самой трагикомической личности рассказчика¹.

«Ожеро Наполеону: “ты”. А у нас денщик...» Маршал Шарль Пьер Франсуа Ожеро в черновых набросках к «Братьям Карамазовым»

Среди сохранившихся черновых записей о господах и слугах к финальному роману Достоевского «Братья Карамазовы» (1879–1880) есть и одна, связанная с упоминанием наполеоновского маршала Шарля Пьера Франсуа Ожеро (1757–1816), герцога Кастильоне, который не получил образования и начал военную службу рядовым. В.Н. Шиканов так резюмирует восприятие Ожеро знавшими его людьми: «По свидетельствам современников, Ожеро был грубым и несдержанным в общении, по оценке императора Наполеона I, наделен “ограниченным умом”, его корыстолюбие и алчность удивительным образом сочетались с готовностью помочь близким людям. Не обладая стратегическим талантом, Ожеро был лично храбр и любим солдатами» [Шиканов, 2004, с. 517].

Запись Достоевского об Ожеро также связана с бытовой непосредственностью последнего, выражающейся, в том числе, и в его специфическом общении с другими маршалами и самим императором. Она совсем краткая, поэтому приведем ее в контексте других записей соответствующей страницы, имеющих схожую тематику:

Встреча с слугою (денщиком).

– «Батюшка, милый», и вижу, что он еще всё ко мне, как денщик к офицеру, как слуга к господину но вижу, что уже совершилось и человеческое единение наше, что русские наши души общее обрели. Поцеловались мы с ним. «Благословите меня».

– Уж и где мне благословлять.

– Ожеро Наполеону: «ты». А у нас денщик...

[Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 247–248]

Конечно, по столь обрывочной фразе крайне сложно, если вообще возможно, говорить о какой-либо ее соотносительности с ос-

---

¹ О противоречивости фигуры генерала Иволгина, который отнюдь не такой закоренелый лжец, как о нем принято думать, см. также: [Подосокорский, 2010а], [Касаткина, 2020, с. 29–32], [Магарил-Ильяева, 2024].

новным сюжетом «Братьев Карамазовых», изобилующем разнообразными отсылками к Наполеону (о наполеоновском мифе в этом романе см.: [Подосокорский, 2025, с. 346–367]), тем более что в итоговый текст романа упоминание Ожеро не вошло, а значит в последний момент писатель отчего-то решил, что в его произведении его присутствие *не нужно*. Тем не менее для нас важно, что Достоевский, несомненно, интересовался взаимоотношениями герцога Кастильоне с Наполеоном в период работы над своим последним шедевром, а значит можно попытаться описать общий историко-литературный контекст, в который вписывается выделенная им фраза.

О грубой манере общения Ожеро ходили анекдоты еще при жизни маршала. Герцогиня д'Абрантес, к примеру, рассказывает о нем следующее: «Ожеро отличался дерзкою храбростию, и такою грубостью в разговоре, что это удаляло от него даже солдат, которые любят находить в своем начальнике и предводителе иную, нежели их наружность» [Абрантес, 1835–1839, т. 9, с. 323]. Далее она приводит пример грубости Ожеро, который на балу у князя Куракина¹ попытался поддеть своего «военного брата» генерала Жана Андоша Жюно, герцога д'Абрантес, в связи с тем, что тот «излишне долго» ждет свою супругу: «Ну! Что же ты, *шут!* Зачем ты остаешься здесь?.. Неужели еще долго станешь ждать свою *мещанку?*» [Абрантес, 1835–1839, т. 9, с. 325]. На «ты» Ожеро обращался не только к своим «военным братьям» генералам и маршалам, но и к императору Наполеону. В исторической литературе XIX в. многократно приводится соответствующая сцена, описывающая нечаянную встречу в апреле 1814 г. на юго-востоке Франции Наполеона после его первого отречения и маршала Ожеро. Мы процитируем ее описание по сочинению французского историка Жюля Мишле (1798–1874) «История XIX века», впервые изданному в Париже в 1872–1875 гг., то есть за несколько лет до того, как Достоевский начал работать над «Братьями Карамазовыми»: «Близ Валанса Бонапарте встретил Ожеро и здесь в первый раз увидел всю глубину собственного падения. Ожеро не поклонился ему, но, обняв его, грубо говорил ему “ты” и упрекал его в том, куда привело его честолюбие. Наполеон принял все в хорошую

---

¹ Имеется в виду князь Александр Борисович Куракин (1752–1818) – русский дипломат, посол России в Париже в 1808–1812 гг.

сторону и обнял его еще раз. Ожеро ушел, не поклонившись» [Мишле, 1883–1884, т. 3, с. 319]¹.

В биографическом очерке «Наполеон Бонапарте» 1848 г. рассказ о Наполеоне и Ожеро подан в несколько ином свете – в нем маршал обращается на «ты» к лишившемуся власти императору лишь после соответствующего обращения к нему² самого Наполеона:

Близ Валанса встретили мы маршала Ожеро. Император и маршал вышли из карет; Наполеон снял шляпу и встретил Ожеро с распростертыми объятиями; Ожеро обнял его, но не поклонился. «Куда ты едешь? спросил император, взяв его под руку; ты едешь ко двору?» Ожеро отвечал, что покамест едет в Лион. Около четверти часа шли они вместе, по Валанской дороге. Наполеон начал упрекать маршала. «Твоя прокламация очень нелепа, сказал он; зачем было ругаться надо мной? Надобно было бы сказать просто: народ желает нового монарха, и войско обязано последовать этому желанию. Да здравствует король! Да здравствует Людовик XVIII».

После этого и Ожеро стал говорить Наполеону: «ты», и, в свою очередь, горько упрекал его за ненасытимое властолюбие, которому он принес в жертву все, даже благо всей Франции. Утомившись этим разговором, Наполеон вдруг обратился к маршалу, обнял его, снял шляпу, и бросился в карету. Ожеро, сложив руки за спиною, даже не дотронулся до своей фуражки, и только когда император сел в карету, презрительно махнул ему рукою; но комиссаров он приветствовал самым любезным образом. В Валансе мы нашли войска корпуса Ожеро, которые хотя и надели белую кокарду, однако отдали императору должную честь. Это было последнее его торжество; после того он уже не слышал ни одного «виват!» [Наполеон Бонапарте, 1848, ч. 2, с. 61–62].

---

¹ В оригинале говорится более обтекаемо: «Près de Valence, il rencontra Augereau, et, pour la première fois, vit combien il était déchu. Augereau ne le salua pas, mais en l'embrassant il le tutoya grossièrement et lui fit reproche de son ambition qui l'avait conduit là. Napoléon prit bien la chose et l'embrassa encore. Augereau s'en alla, sans saluer» [Michelet, 1875, vol. 3, p. 425–426]. Русский переводчик, очевидно, сверял эту сцену у Мишле с другими известными источниками. Один из них, с которым мог быть знаком Достоевский, мы цитируем далее.

² Согласно свидетельству Бурьенна, Наполеон нередко обращался на «ты» к тем генералам и маршалам, которым «хотел показать свое расположение» [Бурьенн, 1834–1836, т. 4, ч. 8, с. 176], но в данном случае в искренность расположения свергнутого императора к недавнему предателю трудно поверить, тем более что во время *Ста дней* Наполеон лишил Ожеро звания маршала за его изменническое поведение в кампании 1814 г.

Если принять описание именно этой встречи в ее разных вариантах за источник черновой записи Достоевского об Ожеро, то становится понятно противопоставление писателем *разъединения* бывших «боевых товарищей», достигших с самого низа высот власти (Наполеона и его маршала, который в марте 1814 г. одним из первых изменил своему императору [Троицкий, 2020, т. 2, с. 313]), и минутного *единения* русского офицера и его денщика, несмотря на очевидную социальную пропасть, пролетающую между ними.

* * *

Интерес Достоевского к окружению Наполеона, разумеется, не сводился только к фигурам маршалов Первой империи. В своих сочинениях писатель также упоминает коварного дипломата Талейрана, императрицу Жозефину, Наполеона II («римского короля»), слуг Констан и Рустама и др., однако комплексное рассмотрение наполеоновского мифа в его творчестве именно через фигуры маршалов позволяет увидеть в восприятии истории писателем новые грани и оттенки, малопонятные без такого исследования.

Список литературы

1. *Абрантес, герцогиня*. Записки герцогини Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне, революции, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов : в 16 т. / пер. с франц. К. Полевого. – Москва : в Тип. Августа Семена при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1835–1839.
2. *Альми И.Л.* К интерпретации одного из эпизодов романа «Идиот» (рассказ генерала Иволгина о Наполеоне) // Достоевский: материалы и исследования. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – Т. 10. – С. 163–172.
3. *Бабакина Е.И.* Наполеон Бонапарт и отмена крепостного права в России в отечественной историографии войны 1812 года // Новая и новейшая история. – 2013. – № 3. – С. 139–147.
4. *Бакунина В.И.* Двенадцатый год в записках Варвары Ивановны Бакуниной // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. – 1885. – Год 16, Т. 47, кн. 9 (сентябрь). – С. 391–410.
5. *Белинский В.Г.* [Рец.] // Отечественные записки. – 1845. – Т. 38, № 1, отд. 6. – С. 14–15. – Рец. на кн.: История Наполеона. Сочинение Николая Полевого. Том первый. – Санкт-Петербург : В тип. Императорской Академии наук, 1844. – 442 с.
6. Библиотека Ф.М. Достоевского : Опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н.Ф. Буданова. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 338 с.
7. *Боград В.Э.* Журнал «Отечественные записки» 1839–1848. Указатель содержания. – Москва : Книга, 1985. – 686 с.

8. *Бурьенн Л.А.Ф. де.* Записки г. Буриенна, государственного министра о Наполеоне, Директории, Консульстве, Империи и восстановлении Бурбонов : в 5 т. (10 ч.). – Санкт-Петербург : Тип. Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1834–1836.
9. Вестник Европы, издаваемый Василием Жуковским. – Москва : В Университетской типографии, 1809. – Ч. 46, № 13/16. – 320 с.
10. Воспоминания о Наполеоне / сост. Э.М. де Сент-Илер ; пер. с франц., издание Федора Наливкина. – Москва : Тип. Николая Степанова, 1840. – 352 с.
11. *Галахов А.Д.* [Рец.] // Отечественные записки. – 1840. – Т. 11, № 8, отд. 6. – С. 41–44. – Рец. на кн.: Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет : в 4 т. / перевод с французского, изданный Ксенофонтом Полевым. – Москва : В тип. Н. Степанова, 1840.
12. Генералы Наполеона (биографический словарь) / автор-составитель В.Н. Шиканов. – Москва : Рейтар, 2004. – 235 с.
13. *Гросул В.Я.* Общественное мнение в России XIX века. – Москва : АИРО-XXI, 2013. – 560 с.
14. *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков : традиции и новации / Ин-т российской истории. – Москва : Наука, 2003. – 517 с.
15. *Давыдов Д.В.* Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. – 4-е изд., испр. и доп. по рукописям автора. – Москва : Тип. Бахметева, 1860. – Ч. 1–3.
16. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. – Ленинград : Наука, 1972–1990.
17. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. : в 35 т. – Санкт-Петербург : Наука, 2013– .
18. *Дубровин Н.Ф.* Наполеон I в современном ему русском обществе и в русской литературе. Ч. 3 // Русский Вестник. – 1895. – Июнь, т. 238. – С. 3–34.
19. *Душенко К.* Каждый солдат в своем ранце носит маршальский жезл // Вестник культурологии. – 2019. – № 2 (89). – С. 154–157.
20. *Жилиякова Э.М.* Ф.М. Достоевский и Вальтер Скотт (к вопросу о наполеоновском мифе) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2012. – № 2 (18). – С. 44–56.
21. *Жомини А.-А.* Политическая и военная жизнь Наполеона / сочинение генерал-адъютанта, барона Жомини, переведенное с французского Ушинским. [Ч. 1–6]. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург : Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1838–1842.
22. *Загоскин М.Н.* Сочинения : в 2 т. / сост., коммент. А. Пескова, С. Панова. – Москва : Художественная литература, 1987.
23. *Искюль С.Н.* Война и мир в России 1812 года. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург : Издательский дом «Петрополис», 2017. – 848 с.
24. *Касаткина Т.А.* Достоевский : теория образа и теория восприятия искусства // Авторские теории творчества / под. ред. Т.А. Касаткиной. – Москва : ИМЛИ РАН, 2024. – С. 222–272.
25. *Касаткина Т.А.* «Ошибка героя» как прием // Вопросы литературы. – 2015. – № 5. – С. 159–182.
26. *Касаткина Т.А.* Смерть, новая земля и новая природа в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2020. – № 3 (11). – С. 16–39.

27. *Кастело А.* Наполеон / пер. с франц. Л.Д. Каневского. – Москва : Центрполиграф, 2004. – 683 с.
28. *Лас-Каз граф.* Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне : в 2 кн. / пер. Л.Н. Зайцева. – Москва : Захаров, 2010.
29. *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч. : в 4 т. – Санкт-Петербург : Изд-во Пушкинского Дома, 2014.
30. *Лоран де л'Ардеш П.М.* История Наполеона / издание, украшенное 500 рисунков Горация Вернета. – Санкт-Петербург : Издание В. Семеновко-Крамаревского и А. Красовского, 1842. – 640 с.
31. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2004. – 704 с.
32. *Магарил-Ильяева Т.Г.* «Мы были трое неразлучные, так сказать, кавалькада» : «Три мушкетера» А. Дюма-отца // *Касаткина Т.А., Корбелла К., Магарил-Ильяева Т.Г., Подосокорский Н.Н.* Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / отв. ред. Т.А. Касаткина. – Москва : ИМЛИ РАН, 2024. – С. 157–185.
33. *Майков А.Н.* Путевой дневник 1842–1843 гг. Итальянская проза / сост., подгот. текстов, ст. и коммент. О.В. Седельниковой. – Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2015. – 400 с.
34. *Марбо М.* Мемуары генерала барона де Марбо / пер. с франц. – Москва : Эксмо, 2005. – 736 с.
35. *Мережковский Д.С.* Наполеон / послесл. А.Н. Николюкина. – Москва : Республика, 1993. – 319 с.
36. *Милло К.Ф.К.* Всеобщая древняя и новая история аббата Миллота, содержащая повествование о всех народах мира, и доведенная до 1815 года с присовокуплением Атласа древней и новой географии : в 13 ч. – Санкт-Петербург : в Типографии Императорских Театров, 1820.
37. *Мишле Ж.* История XIX в. : в 3 т. / пер. Р. Поповой и М. Цебриковой. – Санкт-Петербург : Тип. Ф.С. Сущинского, 1883–1884.
38. Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. – Москва : Тип. Августа Семена, при Императорской Медико-хирургической академии, 1828. – Ч. 19, № 1/4. – 600 с.
39. Наполеон Бонапарте. Ч. 1–2. – Санкт-Петербург : Тип. И. Фишона, 1848.
40. *Никитенко А.В.* Дневник : в 3 т. / подготовка текста, вступ. статья и примеч. И.Я. Айзенштока. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1955–1956.
41. *Новикова Е.Г.* «Nous serons avec le Christ». Роман Ф.М. Достоевского «Идиот». – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. – 244 с.
42. *Перес Ж.Б.* Почему Наполеона никогда не существовало, или Великая ошибка – источник бесконечного числа ошибок, которые следует отметить в истории XIX в. – Москва : Тип. Г. Лиснера, 1912. – 22 с.
43. *Перовский В.А.* Из Записок гр. Василия Алексеевича Перовского о пребывании его в плену у французов 1812–1814 / сообщ. Б.А. Перовский // Русский архив. – 1865. – № 3. – Стб. 257–286.
44. *Подосокорский Н.Н.* История в творчестве Ф.М. Достоевского. Как исторические реалии создают в художественных произведениях дополнительный сю-

- жет // Авторские теории творчества / под ред. Т.А. Касаткиной. – Москва : ИМЛИ РАН, 2025. – С. 273–391.
45. *Подосокорский Н.Н.* Громадная тень корсиканского гения. Наполеоновский миф в романе Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // Дружба народов. – 2024а. – № 5. – С. 242–251.
  46. *Подосокорский Н.Н.* От Ликурга до Наполеона : великие законодатели человечества в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2024б. – № 2. – С. 153–174.
  47. *Подосокорский Н.Н.* Книга Ж.Б.А. Шарраса о Ватерлооской кампании в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Литературный факт. – 2023а. – № 4 (30). – С. 128–147.
  48. *Подосокорский Н.Н.* Наполеон-Солнце в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2023б. – № 2 (22). – С. 57–105.
  49. *Подосокорский Н.Н.* «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2022а. – № 4 (20). – С. 71–135.
  50. *Подосокорский Н.Н.* Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание» : образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2022б. – № 2(18). – С. 89–143.
  51. *Подосокорский Н.Н.* Наполеон и 1812 год в творчестве Ф.М. Достоевского // 1812 год и мировая литература / отв. ред. В.И. Щербakov. – Москва : ИМЛИ, 2013. – С. 319–364.
  52. *Подосокорский Н.Н.* Наполеоновская биография генерала Иволгина // 1812 год в истории России и русской литературы : материалы Всероссийской научной конференции (Смоленск, 15–17 ноября 2010 г.) / сост. и ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2010а. – С. 106–116.
  53. *Подосокорский Н.Н.* Об источниках рассказа генерала Иволгина о Наполеоне // Достоевский : материалы и исследования. – Санкт-Петербург : Наука, 2010б. – Т. 19 / отв. ред. Н.Ф. Буданова. – С. 182–191.
  54. *Полевой К.А.* [рец.] // Отечественные записки. – 1848. – Т. 58, № 6, отд. 6. – С. 105–107. Рец. на кн.: Записки маршала Бертье, князя Невшательского и Ваграмского, начальника Главного штаба французской армии, о египетской экспедиции Наполеона Бонапарте : перевод с французского : две части. – Москва : В тип. Александра Семена, 1848. – 132 с.
  55. *Полевой Н.А.* История Наполеона : в 5 т. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии Наук, 1844–1848.
  56. Полные анекдоты Наполеона Бонапарте, его письма, отличительные черты характера, привычки, мысли о разных предметах, достопамятные изречения и мнения о его маршалах, генералах и других известных особах в Европе : в 2 ч. / собранные переводом из разных иностранных авторов, как то: Бурьеня, статс-секретаря его, Сегюра, Тушар-Лафосса, Коло, Вальтера-Скотта, Галуа и других, и служащие продолжением истории Наполеона Вальтера-Скотта и других на российском языке изданных. – Москва : Тип. Лазаревского института восточных языков, 1833.

57. *Попов А.И.* Корреспонденция Наполеона в русском походе. – Самара : ООО «Слово», 2023. – 220 с.
58. *Попов А.И.* Наполеон и крепостное право в России в 1812 году // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы IX Всероссийской научной конференции, Бородино, 4–6 сентября 2000 г. / гл. ред. А.В. Горбунов. – Москва : Калита, 2001. – С. 187–203. – URL: https://www.borodino.ru/wp-content/uploads/2017/08/15_popov-1.pdf (дата обращения: 07.01.2025).
59. *Сегюр Ф. де.* Наполеон и Великая Армия во время войны 1812 года / пер. с франц. Д. Соловьева ; под ред. С. Искюля. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2014. – 488 с.
60. *Сен-Сир Л.* Записки маршала Сен-Сира о войнах во времена директории, консульства и империи французской : [в 4 ч.]. – Санкт-Петербург : Тип. И.И. Глазунова, 1838–1840.
61. *Сироткин В.Г.* Официозная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804–1815 гг. // Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. в Германии. – Москва : Наука, 1988. – С. 222–242.
62. *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов : в 2 т. / коммент. Д.М. Туган-Барановского. – Москва : Эхо, 1995.
63. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание / подгот. текстов и приложений И.А. Айзикова, В.С. Киселёв, Н.Е. Никонова. – Москва : Языки славянской культуры, 2015. – 640 с.
64. *Строев В.М.* Париж в 1838 и в 1839 годах. Путевые записки и заметки Владимира Строева : в 2 ч. – Санкт-Петербург : Тип. А. Иогансона, 1841–1842.
65. *Тарле Е.В.* Сочинения : в 12 т. / гл. ред. А.С. Ерусалимский. – Москва : АН СССР, 1957–1962.
66. *Троицкий Н.А.* Маршалы Наполеона // Новая и новейшая история. – 1993. – № 5. – С. 166–178.
67. *Троицкий Н.А.* Наполеон Великий : в 2 т. / подг. к публ. М.В. Ковалева, Ю.Г. Степанова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2020.
68. *Тушар-Лафос Ж.* Полная история семейственной и военной жизни Наполеона Бонапарте, заключающая в себе его рождение, юность, успехи, возвышение, падение, заключение на острове св. Елены и смерть его : в 4 ч. / сочинение заслуженного офицера Главного штаба армии Тушар-Лафоса и Г.П. Коло ; пер. с франц. Ивана Гурьянова. – Москва : Тип. Августа Семена : Тип. Н. Степанова, 1832.
69. *Тьер А.* История Консульства и Империи. Кн. 1–2 (вторая книга в 4 т.) / пер. с франц. О. Вайнер. – Москва : Захаров, 2012–2014.
70. *Филарет (Дроздов).* Из воспоминаний митрополита Московского Филарета // Русский архив. – 1906. – № 10. – С. 214–217.
71. *Фэн А.* Записи тысяча восемьсот двенадцатого года, служащие к истории Императора Наполеона, сочинение барона Фэна, состоявшего при нем секретарем-архивистом. Т. 1–2 / пер. Д.В. Соловьева ; под ред. С.Н. Искюля. – Санкт-Петербург : ИД «Петрополис», 2017. – 638 с.
72. *Черкасов П.П.* Посольство герцога де Монтебелло в России (1858–1864 годы) // Новая и новейшая история. – 2014. – № 1. – С. 157–178.

73. *Чиняков М.К.* Даву, Луи Никола // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия / руководитель авторского коллектива В.М. Безотосный. – Москва : РОССПЭН, 2004. – С. 218–219.
74. *Шиканов В.Н.* Ожеро, Шарль Пьер Франсуа // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия / руководитель авторского коллектива В.М. Безотосный. – Москва : РОССПЭН, 2004. – С. 516–517.
75. *Шиканов В.Н.* Созвездие Наполеона. Маршалы Первой Империи. – Санкт-Петербург : Шатон, 2002. – 447 с.
76. *Шлоссер Ф.К.* История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи : в 8 т. – Санкт-Петербург : в Типографии Главного штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1858–1860.
77. *Michelet J.* Histoire du XIXe siècle. – Paris : Michel Lévy frères, 1875. – Vol. 3. – 472 p.
78. *Ségur Ph.-P. de.* Histoire de Napoléon et de la Grande Armée, pendant l'année 1812. – Paris : Baudouin frères, 1826. – Vol. 2. – 448 p.